

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

А. Д. НОВИЧЕВ

Аграрный вопрос в Турции накануне кемалистской революции

«Большой же частью хозяйство ведется крепостническое, то есть помещики кабальят крестьян, как было и сто и триста и пятьсот лет тому назад, заставляя их крестьянской лошастью, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю. Это не капитализм. Это не европейский способ хозяйства... Нет, это совсем не по-европейски. Это по старо-китайски. Это по турецки. Это по крепостнически».

Ленин о русском помещичьем хозяйстве. Собр. соч., 2 изд., т. XVI, стр. 459. (Подчеркнуто Лениным).

ФЕОДАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ В ТУРЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ

Производственные отношения, господствовавшие в турецком сельском хозяйстве накануне войны, характеризовались слабым развитием капиталистических отношений и преобладанием феодальных пережитков, являвшихся основным препятствием развитию его производительных сил. Наиболее выпукло эти феодальные пережитки выступают в землевладении и аграрных отношениях вообще.

Приведем данные о том, как распределялась земля в Турции до войны между отдельными социальными группами турецкой деревни.

По данным переписи, произведенной накануне войны, охватившей 1 миллион дворов, занимавшихся сельским хозяйством, обрабатываемая земля фактически распределялась следующим образом (см. табл. 1, стр. 56).¹

¹ И. Бутаев «Проблемы Турции», изд. «Прибой», Л., стр. 45. Последняя колонка вычислена нами.

Таблица 1

Категории владельцев	Колич. дворов	% к общему колич. дворов	Площадь обработыв. земли в тыс. денюмов	% ко всей обработыв. площади	Колич. денюмов земли в среднем на 1 двор
Крупные земельные собственники	10 000	1	30 000	39.3	3000
Мелкие помещики	40 000	4	20 000	26.2	500
Труд. крестьянство	870 000	87	27 300	34.5	31.4
Безземельные	80 000	8	—	—	—

Как видим, крупным земельным собственникам, которые составляют всего 1% всех дворов, принадлежит свыше $\frac{1}{3}$ всей обрабатываемой площади, в среднем на 1 хозяйство этой категории приходится 3000 денюмов, т. е. свыше 300 десятин земли. Мелкие помещики, также составляющие ничтожный процент дворов — 4%, владеют 26.2% всей обрабатываемой площади. Мы эту группу называем группой мелких помещиков в отличие от И. Бутаева, который ее именует кулацкой. Такая огульная характеристика этой группы как кулацкой, по нашему мнению, неверна. Такого большого слоя кулачества в Турции нет и сейчас, а в те времена не было и подавно. Известная часть кулачества есть в этой группе. Но по методам эксплуатации крестьянства большинство представителей этой группы ничем не отличалось от крупных полуфеодалов.

Точно так же последняя группа названа Бутаевым неточно — батраки. Это точнее — безземельные. Не все безземельные — батраки, т. е. сельскохозяйственные рабочие. Огромная часть этой группы арендует землю в порядке издольщины, владея иногда орудиями производства и даже скотом.

Несомненно, что таких безземельных издольщиков надо отличать от батраков, работающих за зарплату в порядке найма у кулака или у помещика.

Во всяком случае ясно, что огромное большинство земли было сосредоточено у небольшой кучки ее владельцев, в то время как почти вся крестьянская масса — 95% — владела лишь 35% земли, т. е., в среднем, считая вместе с безземельными, по 27.3 денюма на двор. Считая двор в 5 душ, мы получаем, что на 1 душу приходилось примерно $5\frac{1}{2}$ денюмов, т. е. полдесятины земли.

По данным ряда авторов в Турции до войны были крупнейшие поместья. Так, например, хорошо осведомленный Врук пишет:

• «До войны существовало небольшое количество крупных землевладельцев, которые владели земельной площадью размером от 1000 до 15 000 га, из которой они, однако, обрабатывали лишь часть. Затем было среднее сословие земельных собственников, владевших 200, 500, 600 га, и очень большое количество мелких владельцев, которые владеют лишь 10 га. Во всяком случае $\frac{1}{3}$ находилась в руках более крупных владельцев».¹

Немец Richard Hermann, живший в Турции ряд лет, отмечает большую распространенность в Турции крупных частных поместий. Ему лично были известны поместья, насчитывавшие свыше 20 000 га.²

Кто они, эти крупные землевладельцы? При отсутствии статистических данных трудно ответить на этот вопрос со всей определенностью. Но во всяком случае крупные земельные собственники в большинстве своем являются потомками старых феодалов-деребеев.³ Кроме последних среди крупных землевладельцев было много представителей городской буржуазии. До войны отмечалось следующее явление. «Так как по закону всякая годная для обработки земля, которая три года подряд остается необработанной, переходит в собственность государства, а такие случаи еще несколько десятилетий тому назад, вследствие редкого народонаселения и малой доходности земледелия, происходили довольно часто, то государству доставались обширные земельные пространства, которые обращались в продажу с аукциона и обыкновенно по очень низким ценам (1—5 франков за денгем, т. е. по 11—55 франков за гектар) приобретались городскими капиталистами».⁴

Путь, указанный автором, был одним из путей приобретения земли городской буржуазией. Значительная часть приобреталась ею в порядке обращения имущества крестьян в свою пользу за долги, а также в порядке обыкновенной покупки.

Покупка городской буржуазией земель имела место в довольно значительных размерах, ввиду того, что большая часть турецкой буржуазии, лишенная возможности вследствие захвата торговли иностранными капиталистами и инонациональной буржуазией вести большие торговые операции, вкладывала свои капиталы в землю и ростовщичество. Тем самым значительная часть турецкой торговой буржуазии превращалась в полуфеодалов, не желавших, понятно, бороться против феодальных пережитков, без

¹ Bruck. Die türkische Baumwollwirtschaft, Jena, 1919, 67.

² Richard Hermann. Anatolische Landwirtschaft auf Grund sechsjähriger Erfahrung, Leipzig, 1900, стр. 39.

³ См. V. Totomianz und E. Toptschjan. Die social-ökonomische Türkei, Berlin, 1901, стр. 44.

⁴ А. Руппин. Современная Сирия и Палестина, пер. с нем., 1919 г., стр. 63.

ликвидации коих ей же, торговой буржуазии, было нельзя двигаться вперед.

Крупнейшим землевладельцем было мусульманское духовенство, которое владело в виде вакуфов огромными поместьями, садами, оливковыми рощами и т. д. Вгиск утверждает, что эти вакуфы охватывали три четверти всей обрабатываемой площади. То же утверждает и другой немецкий исследователь турецкого сельского хозяйства Enders. Это утверждение расходится с данными приведенной выше таблицы о распределении земли. Нам, однако, кажется, что это — кажущееся противоречие. Дело в том, что землевладельцы часто передавали свою землю мечетям для того, чтобы спасти ее от конфискации и от уплаты государственных налогов и тем самым, поскольку эти налоги сдавались откупщикам, и от грабежа последних. Эта передача производилась владельцем либо путем приношения в дар, либо путем продажи вакуфам за незначительную сумму дома или земли, причем владелец оставался пожизненно арендатором за маленькую ренту (иджарие) и сохранял за собой право передать пользование землей своим наследникам или продать это право¹ еще при жизни какому-нибудь постороннему лицу, на которое переходили все права прежнего владельца; в случае отсутствия наследников или если недвижимость не была никому передана, она переходила в собственность вакуфов.

Так скоплялись в руках духовенства огромные земельные пространства, а само духовенство, тесно сращенное с государственной властью, становилось крупнейшим феодальным эксплуататором крестьянства. Таким образом, при данных о рассмотрении распределения земли, которое указано в таблице, надо иметь в виду, что она в значительной части принадлежала вакуфам.

Кроме такого крупного землевладельца, как духовенство, крупным землевладельцем был также сам султан и султанская семья, наконец, существовали еще крупные государственные поместья.

Что же, наряду с наличием столь широко распространенного в Турции крупного землевладения, землепользование тоже было крупное? Отнюдь нет. «Крупный землевладелец никак не проявляет себя как инициатор и пионер сельскохозяйственного прогресса; он избегает земли, он выполняет в столице какую-нибудь государственную службу или живет как уже установившийся чиновник в провинциальных центрах. Свои поместья он отдает кому-нибудь в управление или сдает в аренду. Он категорически

¹ Формально, собственно, не продать, а передать, но фактически — продать.

брезгает заниматься какой-нибудь хозяйственной деятельностью», — пишет Sack.¹

Чрезвычайно интересны указания Rougon'a, бывшего генеральным консулом Франции в Смирне, о методах землепользования в более передовой западной Анатолии. По его словам, в крупных имениях — чифтликах, площадью от 200 до 8000 га, применяется почти исключительно издольщина. Чифтлики от 50 до 200 га' эксплуатируются обычно самими собственниками при участии издольщиков. Более же мелкие участки — от 1 до 50 га, как правило, и в Айдынском и Смирнском вилайетах обрабатываются непосредственно их собственниками с применением в момент урожая наемной рабочей силы.

Экстенсивная система культур применяется в крупных и средних поместьях, ограничивающих обрабатываемую территорию, система же интенсивная и экстенсивная применяется мелкими фермами.²

Из этого указания долго жившего в Смирнском районе автора можно сделать вывод, что носителем капиталистических отношений в Смирнском районе был больше кулак, нежели помещик.

Крупное землевладение и мелкое землепользование — вот на что указывают десятки авторов как на явление, характерное для турецкой деревни. Никакого различия в этом смысле между отдельными видами крупной земельной собственности не было.

Кто был этим мелким землепользователем? Турецкий крестьянин. «В большинстве случаев, — пишет Schulmann, — латифундии разделены на парцеллярные хозяйства и сдаются на основе натуральной аренды.

Натуральные арендаторы оставлены в деревнях, из которых они первоначально происходили, когда деревня и земля были их собственностью. Эти деревни, однако, очень мало отличаются как внешне, так и внутренне от свободных деревень. Их жители социально стоят наряду с крестьянами, потому что ведь они все самостоятельно хозяйствующие мелкие крестьяне и отличаются от них по бедности и нужде очень мало.

... Не меньше трудности представляет различать крупное землевладение от коронных владений (чифтликов) и эти оба в свою очередь от владений мертвой руки (вакуф). Способ производства на всех этих поместьях подобен мелкому производству крестьянина».³

¹ Sack. Ackerbau und Viehzucht. В сборнике «Frech, Honig und Sack. Grundlagen türkischer Wirtschaftsverjüngung», Berlin, 1916, стр. 176.

² F. Rougon, Smyrne, 1902, p. 73.

³ Schulmann. Zur türkischer Agrarfrage, Weimar, 1916, стр. 43—44.

Итак, земли крупных землевладельцев обрабатываются крестьянином, его же допотопными орудиями производства. В каком порядке? В порядке издольщины. Издольщина — феодальный пережиток, пережиток барщины — вот основная форма эксплуатации турецкого крестьянства. Так было в начале XIX в., так было и в начале XX в. Сущность этой издольщины состояла в том, что обработка земли поручалась крестьянским семьям за определенную долю урожая, другая часть урожая отдавалась землевладельцу. Размер долей зависел от средств обработки, вносимых землевладельцем и издольщиком. Издольщик поставлял, как правило, свою трудовую силу и тот сельскохозяйственный инвентарь, который он сам может изготовить, а землевладелец кроме земли давал скот и часть остального инвентаря, которая должна быть закуплена на стороне. Урожай в таких случаях, с изъятием зерна для посева, делился поровну между землевладельцем и издольщиком.

Все эти факторы чрезвычайно разнообразились в зависимости от времени и района, а потому и отношения между землевладельцем и издольщиком также были весьма разнообразны.

Чем далее отстояло поместье от города, где живет землевладелец или арендатор,¹ тем большую долю урожая обычно получал издольщик: с увеличением расстояния усложнялся и затруднялся контроль помещика за издольщиком. Конечно, никаких писанных контрактов между издольщиком и землевладельцем не существует, и крестьянин находится полностью в руках у владельца земли. Арсланиан указывает, что отсутствие таких контрактов «имеет свои неприятности как для землевладельца, так и для издольщика, а также приносит хозяйственный ущерб». Для первого неприятности могут заключаться в том, что издольщик может удалиться после уборки урожая, не предупредив землевладельца, в каковом случае, если землевладелец не был предупрежден и не принял никаких соответствующих мер, его поле в будущем году может остаться необработанным. «Но может также случиться, что землевладелец сам отстранит после жатвы издольщика, а если последний не сможет сейчас же подыскать себе занятие, то часто ему ничего не остается другого, как только просить милостыню, так как значительную часть урожая он обыкновенно или отдает за сделанные в течение года долги, или он затрачивает на покупки в городе. Правда, обычно, когда землевладелец отстраняет издольщика, он должен указать причины, но их всегда легко найти, так что как только издольщик хоть отдаленно заподозрит, что хозяин отстранит его сейчас же после жатвы, то он становится из нужды или злобы ненадежным, особенно при жатве, даже если подозрение ничем не обосновано.

¹ Издольщик будет уже таким образом субарендатором.

Издольщика надо не только при собирании урожая строго контролировать, но надо также принимать меры для обеспечения бережного отношения и рационального применения вверенного ему скота и инвентаря».

Навряд ли нужно подчеркивать, что случаев второго рода и бывает гораздо больше, чем первого рода. Крестьянину некуда податься — от одного землевладельца к другому и только, — вот его выбор.

Для того чтобы иметь издольщиков, землевладельцу нужно, чтобы крестьянин в ы н у ж д е н был итти в издольщики. Но обеспеченный крестьянин не пойдет. «Поэтому большинство помещиков видит в богатстве издольщиков значительное зло, которое они стараются устранить тем, что они ставят **непременным условием** вновь прибывающим издольщикам продажу своих земель и скота тому, кто предлагает за это больше, или ему самому (помещику). В случае, если помещик сам покупает скот, то его использование он снова предоставляет издольщику; кроме того, он ссужает издольщика деньгами и продуктами, чтобы привязать последнего к поместью».¹

Приведенные слова автора, хорошо знающего Турцию,² показывают, какую огромную задерживающую силу для развития производительных сил в земледелии представляет издольщина. В этом отношении кроме приведенных факторов нужно еще указать на то, что никто из издольщиков не получал надолго свой участок, и издольщики часто меняли участки. Вследствие этого издольщик не был заинтересован в хорошей обработке полей, так как он знал, что поле ему придется сменить. Одновременно с этим издольщик против введения усовершенствованных с.-х. машин, так как это усиливало его зависимость от помещика и уменьшало его долю. «Он неохотно соглашается употреблять машины, которые он не сможет ни сам

¹ Арсланиан. Система землевладения в Османской империи. Русск. литогр. изд. ЛВИ, перевод, стр. 43.

Владимир Ильич Ленин, характеризуя русскую издольщину, писал: «Отработки — это прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки — это переход от барщины к капитализму. Сущность отработок в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне с в о и м и н в е н т а р е м за плату, частью денежную, частью натурой (за земли, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем **испольщины** форма хозяйства есть одна из разновидностей отработок. Для отработочного помещичьего хозяйства не о б х о д и м наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь, необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободы есть необходимый спутник отработок. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд **втридешево**» (подчеркнуто Лениным). Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX в., т. XIX, 2 изд., стр. 14—15. См. также по этому вопросу: Развитие капитализма в России, т. III, стр. 135.

² Автор родился и жил в Турции; отец его был крупным откупщиком апара.

соорудить, ни купить, которые, таким образом, должны быть куплены помещиком на свои средства, так как в таком случае он должен уступить своему хозяину большую часть урожая. Как-раз в этом видит он зло не потому, что он менее зарабатывает, а потому, что благодаря этому его положение по отношению к помещику еще более ухудшается.

Приблизительно то же может быть сказано относительно меллиорации земли».¹

Чем больше, однако, в земледелии вводится усовершенствований, чем больше оно специализируется по линии производства технических культур, чем больше землевладелец вкладывает средств в хозяйство, тем меньше становится доля издольщика, тем меньше становится его заинтересованность в хозяйстве как участника в доле и тем больше он превращается в простого рабочего, в батрака, нанимаемого на определенный срок для определенных работ, хотя всю плату за работу он продолжает очень часто получать натурой.

Поэтому Арсланиан делает правильный вывод, что «издольщик не совместим с прогрессом и именно по двойной причине: он является препятствием для прогресса, и каждая ступень прогресса несет в себе зерно, разрушающее издольщика».²

Наряду с преобладанием в Турции издольщины как основной формы эксплуатации крестьян, в Восточной Анатолии действовали еще почти полностью феодальные отношения.

Чинovníк Переселенческого управления Министерства земледелия и одновременно доцент С.-Петербургского университета Н. А. Ленский, изучавший во время войны по заданию русских властей земельные отношения в Турецкой Армении после занятия значительной части этой территории русскими войсками, пишет: «Для уяснения современного правового положения землевладения в армянских вилайетах Азиатской Турции нужно еще заметить, что во многих частях, преимущественно, Битлисского и Ванского вилайетов до сих пор существуют своего рода феодальные отношения обыкновенно между армянским крестьянином и курдским бэком, реже между курдским бэком и курдским же земледельцем... Во всех горных областях Ванского и Битлисского вилайетов еще сохранилось состояние, сходное с крепостничеством. Там крестьян покупают и продают как товар. В долинах Армении это приняло более мягкую форму и легло всею тяжестью на

¹ Арсланиан. Там же, стр. 47.

² Там же, стр. 47.

землю. Борьба крестьян с беями и землевладельцами есть, таким образом, борьба за личное и экономическое освобождение».¹

Феодальный гнет от крестьянских беев и ага особенно сильно терпели армяне-крестьяне, которых эти беи грабили и угнетали, будучи поощряемы к тому султанским правительством, стремившимся перевести недовольство масс с классовой борьбы на рельсы национальной розни. Они могли тем более произвольно грабить население, что часто в их руках сосредоточивалась местная государственная власть.

Курдские феодалы взымали с крестьян особую дань, последние выполняли для них барщину и ряд повинностей. В качестве иллюстрации можно привести следующие данные о налогах, уплаченных одной деревней (Минсурия в каймакамлыке Батав) в 1893 г. правительству и курдскому феодалу.

Правительству	
Налоги, взысканные сверх полученных по закону	7000 пиастров
Стоимость взятых жандармами продуктов	2000 »
<hr/>	
Итого	9000 пиастров
Феодалу Мустафе-паше	
Надбавка к ашару	1500 пиастров
Стоимость вреда, причиненного на полях (путем выгона овец феодала на крестьянские поля)	2000 »
<hr/>	
Итого	3500 пиастров

Вся сумма налогов, взысканная с этой же деревни в том же году, по закону равнялась 1400 пиастров, взысканная сверх закона властями и феодалом — 12 500 пиастров.

По записям одного деревенского священника, деревня Хосан (в том же каймакамлыке), насчитывавшая 60 дворов, выполнила в 1893 г. для феодала Магомета-аги следующие повинности:

30 человек в течение 2 дней перевозили муку Магомета-аги	150 пиастров
Он получил наличными	1120 »
Он же получил 15 кусков сукна	150 »
500 человек убрали его урожай	1500 »
50 чел. в течение 3 дней чинили его дорогу	487 »
Работа 450 человек и 14 животных по сбережению его пшеницы на зиму	1160 »
Постройка для него дома 150 человек	375 »
Снабжение его 2000 палаток	554 »
Дано ему 4 больших дерева для стропил по 50 пиастров	200 »

¹ Н. А. Ленский. О правовом положении землевладения в Турецкой Армении, Пгр., 1916, стр. 17.

Кроме того жители деревни должны были весь его хлопок превратить в пряжу и соткать из нее материал, причем они должны были возместить потери в весе.¹

НАЛОГОВАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ КРЕСТЬЯН

Наряду с индивидуальной эксплуатацией феодалом и полуфеодалом (крупным, средним и мелким) турецкого крестьянства имела место чрезвычайно тяжелая эксплуатация его этими же элементами, но уже в форме государственной власти при помощи налогов, также носивших на себе жирную печать феодализма.

Наиболее тяжелым из налогов был так называемый ашар, т. е. десятина с продуктов земледелия, прежде всего с зерна, который взимался натурой, за исключением некоторых садоводческих культур, с которых он взимался в деньгах.

Ашару наряду с ростовщичеством исследователи Турции посвятили самые мрачные страницы, как явлениям, которые действовали наиболее разрушительным образом на турецкое земледелие. Ашар и ростовщичество заслоняют у этих исследователей основную причину, благодаря которой действовали эти чрезвычайно разорительные для турецкого крестьянства факторы — сохранение феодальных методов эксплуатации турецкого крестьянства в самом производстве. Вместе с тем, губительное влияние турецкой налоговой системы и в особенности ашара на все турецкое земледелие было чрезвычайно глубоким. Дело в том, что помимо того, что сам ашар составлял не одну десятую, а одну восьмую урожая, он взимался еще через откупщиков, которым взимание его с определенных местностей продавалось с торгов за внесение всей суммы налога вперед. Эти откупщики (мультизимы) и свора их агентов (ушурджи) при помощи государственного аппарата грабили с крестьян не $\frac{1}{8}$, а гораздо больше, фактически 40% урожая (они же были и главными торговцами хлебом).² Откупщик брал на откуп ашар с крупного района, а затем делил район на части и продавал свое право взимания ашара откупщикам помельче, но уже с соответствующей надбавкой. Последний в свою очередь делал то же самое, так что часто право взимания налога проходило через три, четыре, а то и пять рук, пока оно доходило до непосредственного сборщика ашара. Вся тяжесть возросшего в результате этой спекуляции налога падала на крестьян, с которых непосредственный сборщик взимал не только уплаченную им сумму, но делал к ней значительную

¹ V. Totomianz und E. Toptschjan, цит. соч., стр. 59.

² См. Bruck, цит. соч., стр. 38.

надбавку. Однако, этим тяжесть ашара далеко не исчерпывалась. Власти, стремясь как можно выгодней сдать на откуп сбор ашара, выжидали наиболее выгодных предложений от откупщиков, между тем крестьяне не имели права снять урожай до появления последних. Часто случалось, что урожай погибал от непогоды только потому, что не явился еще ушурджи (сборщик ашара) для оценки урожая. Большею частью размер ашара устанавливался произвольно чиновниками и арендаторами, от которых зависело также, взять ли ашар в натуре или в деньгах. В последнем случае они устанавливали цену на злаки. При высоких ценах на зерно они требовали натурой и, наоборот, когда цены на зерно стояли низкие и сбыт его был затруднен, они требовали деньгами. Понятно, что именно в такое время денег у крестьян не было и они были вынуждены обращаться к ростовщику, часто к тому же самому откупщику. Насколько колебалась откупная сумма за ашар в зависимости от цен на зерно и размера урожая, показывает следующий факт:

В маленькой деревушке Тузу возле Афиун Кара-Хиссара в 1896 г. — в год хорошего урожая — ашар был откуплен за 17 000 пиастров; в 1897 г., там же, за 82000 пиастров. Основными причинами такого роста откупной суммы являлись большой урожай и благоприятная рыночная конъюнктура, а также и рост посевной площади вследствие проведения железных дорог.¹

Грабёж откупщиков был, как мы уже отмечали выше, одной из главнейших причин, благодаря которым турецкое духовенство мобилизовывало в своих руках все большую часть крестьянской земли. Однако, не только духовенство, но и частные собственники в лице турецкой знати пользовались этим для концентрации земли в своих руках. Откупная система была одной из причин роста издольщины. Вот что пишет по этому поводу Schulmann.

«Дальнейшая причина продажи земель влиятельным городским жителям... заключается в том, что крестьяне не хотят иметь дела с налоговым откупщиком и поэтому стремятся продать землю какому-нибудь эфенди в городе, которому они затем отвозят определенную часть урожая, обычно от одной четверти до $\frac{1}{5}$, за что крестьянин также освобожден от уплаты налогов».²

Говоря о тяжести ашара, нельзя пройти мимо заслуживающего внимания замечания Артура Руппина о том, что ашар, при взимании которого не считались с различиями в производственных издержках, больше всего обременял крестьян, у которых земля худшая и издержки относительно выше. «Сельский хозяин, — пишет Руппин, — который со 100 денюмов

¹ Richard Hermann, цит. соч., стр. 43.

² Schulmann, цит. соч., стр. 53.

хорошей и легко обрабатываемой земли, с затратою 500 франков, собирает брутто 10 000 кг пшеницы, стоимостью в 2000 франков, т. е. получает чистого дохода 1500 франков, точно так же должен отдать 1263 кг пшеницы (автор имеет в виду только официальную норму. А. Н.) на сумму 282 франка в виде ашара, как и другой сельский хозяин, который с 200 деюмов плохой и трудно обрабатываемой почвы, с затратою 1200 франков (или даже больше), собирает брутто тоже всего лишь 10 000 кг пшеницы стоимостью в 2000 франков, т. е. получает всего 800 франков чистого дохода. В первом случае ашар составляет 16.8% чистого дохода, а во втором 31.8%. Таким образом, крестьянина, земля которого дает скудный урожай, ашар обременяет гораздо тяжелее, чем владельца хорошей земли, тогда как справедливость требует как-раз обратного. Ашар является далее также препятствием по пути всякой мелиорации, связанной с затратами, так как владелец наперед знает, что ему достанется не весь достигнутый благодаря мелиорации избыток, который быть может окупил бы проценты на мелиорационный капитал, а лишь $\frac{7}{8}$ этого избытка, что делает выгоду уже сомнительной».¹

Ашар был не единственным налогом, взимавшимся с крестьян. Кроме него крестьяне облагались еще целым рядом других налогов — на скот, поземельный налог, налог на строения, всякого рода повинности (дорожная и др.). Так как основной налог — ашар — взимался откупщиками, местные власти стремились компенсировать себя при взимании всех прочих налогов. Так, например, крестьяне должны были освобождаться от промышленного налога (теметтю), но на деле он часто взимался с многих крестьян, на том основании, что они занимались каким-нибудь ремеслом на дому или уходили на заработки. Точно так же крестьяне могли либо уплатить дорожный налог (16 пиастров), либо отработать взамен этого 4 дня. Но часто бывало, что глава местной власти взимал налог в деньгах, которые он присваивал себе, и гнал крестьян на работы. Никаких сроков уплаты налогов не было, и налоговая кампания начиналась тогда, когда из центра — Константинополя — получалось требование денег. Тогда начинался сбор налогов, размер коих зависел от произвола местных властей и который был всегда выше норм, установленных законом. Разница шла местным властям, начиная от мухтара (старосты) и кончая вали (губернатором). Крестьянство было основным носителем тяжести налогового бремени. На сельское хозяйство падали $\frac{6}{7}$, а на городское $\frac{1}{7}$ всей суммы налогов (прямых и косвенных). Разоренный

¹ А. Руппин. Сирия и Палестина, стр. 335.

феодалной эксплуатацией, налогами, откупщиком, лишенный средств, необходимых для того, чтобы продолжать свое производство, турецкий крестьянин неминуемо попадал в руки ростовщика.»

РОСТОВЩИЧЕСТВО

«При продолжительной невозможности удовлетворить сборщика податей или купить семена на следующий посев, — пишет Карлайль, — крестьянин земледелец бросается в роковые сети ростовщика: а раз он в них попал, его разорение может заранее считаться неизбежным. При отсутствии всякого легального запрещения этот пагубный промысел производится одинаково мусульманами, христианами и евреями и более всего служит причиной хронической бедности земледельца. Правда, Коран осуждает ее и гласит, что всякий, кто живет ростовщичеством, в день общего воскресения восстанет пораженный рукой сатаны; кто же, появив вред ростовщичества, оставит его, тот получит прощение за прошедшее, а кто и тогда станет продолжать отдавать деньги в рост, будет ввергнут в огонь, где останется на всю вечность. Но правила Корана, за исключением среды улемов и крестьян, давно потеряли для остальных свою силу, и ростовщичество сделалось столь же известным отклонением от древней нравственности, как и возрастающий вкус (между официальными сословиями) к иоркским окорокам и вдове Клико».¹

Турецкий крестьянин, платя 60 и больше процентов, попадал в перманентную задолженность ростовщику, так что каждый год, как говорит Виск, он начинал всегда со старого долга.

Превращение части налогов в денежные еще более усиливало зависимость крестьянства от ростовщика, благодаря чему происходил процесс перехода земли в руки последнего. В большинстве случаев в качестве ростовщика выступал тот же откупщик и торговец. Ростовщиками часто были и крупные представители власти — высокие должностные лица, городская знать и др. Весьма любопытно, что в качестве ростовщиков выступали иногда... иностранные консулы. Это явление наблюдал Карлайль. Вот что пишет он по этому поводу: «Сам сборщик податей почти всегда соединяет ссуду денег с другими своими обязанностями, но он имеет всегда сильных соперников в высоких должностных лицах провинции и даже в иностранных консулах.

Я лично знал двоих, которые тучнели на этой спекуляции и были самыми успешными и самыми неумолимыми практиками, хотя может быть

¹ Мак Коан Карлайль. Наш новый протекторат, пер. с англ., 1884, стр. 296.

не под своим именем, а под фирмою местных агентов, которые, считая себя сильными под этой замаскированной опорой, обирают крестьян со строгостью, много превосходящей простого частного заимодавца.

Справедливо заметить, что Порты не в силах вырвать это зло. Запретить его своим подданным — значило бы создать монополию для иностранцев».

Автор далее пишет, что «правительство несколько раз обращалось к содействию посланников, чтобы совершенно его уничтожить, но их превосходительства, желая может быть приобщить турка к здравому учению Бентама о несообразности всякого ограничения при денежном обращении, всегда отказывались принять участие в этом вопросе. Таким образом, ростовничество продолжало развиваться и процветать, распространяя все глубже свои ядовитые корни в жизненные силы государства, так что теперь почти невозможно преувеличить степень зла, продолжающего свое разрушение в каждой деревне и в каждом городе империи».¹

Карлайль писал это в начале 80-х гг. прошлого столетия. В дальнейшем, с развитием империалистического гнета в Турции, участие иностранцев в ростовщическом ограблении турецкого крестьянства было более «организованным» и происходило через иностранные экспортно-импортные общества и банки, подчинившие и поставившие себе на службу местный торгово-ростовщический капитал.

Единственным учреждением, имевшим своей формальной задачей противодействовать ростовщичеству и оказывать дешевый кредит для нужд сельского хозяйства, был Сельскохозяйственный банк, основанный в 1888 г. и перенявший актив и пассив созданных еще в 1867 г. по инициативе Мидхат-паши ссудных касс для кредитования сельских хозяйств. В 1892 г. банк выдал кредит на сумму 1384 тыс. лир, в 1902 г. на 3067 тыс. лир и в 1914 г. на 6125 тыс. лир. Размер этого кредита был явно недостаточным. Однако некоторую часть крупных земельных собственников банк кредитовал более или менее крупными суммами. Банк выдавал кредит как под ипотеку, так и под солидарную ответственность. Размер ссуды колебался от 50 до 150 лир в зависимости от капитала филиальной дирекции, выдающей ссуду. Можно сказать, что ипотечный кредит оказывался крупным земельным собственникам, а кредит под солидарную ответственность — крестьянам; при этом первый значительно преобладал над вторым по своей сумме.

Мы не располагаем, к сожалению, отчетами Сельскохозяйственного банка и поэтому не можем это продемонстрировать цифрами, показывающими сумму оказанного банком кредита в целом, но это можно доказать на дан-

¹ Карлайль, цит. соч., стр. 296—297.

ных, приведенных А. Руппиным в отношении Сирии. По его данным в конце 1912—1913 г. было оказано по Сирии:

45 054	ссуды на сумму 54 229 739	пиастров (около 12 млн. франков) под ипотеки,
25 593	» » »	4 438 309 пиастров (около 1 млн. франков) под солидарную ответственность.

Из общей суммы кредита в 58.7 млн. пиастров на долю ипотечного кредита падало 93%. Средний размер ссуды под ипотеку равнялся 1204 пиастрам и под солидарную ответственность 175 пиастрам, т. е. почти в 7 раз меньше. В 1912—1913 г. банк выдал в Сирии вновь 9031 ссуду на сумму в 14 585 062 пиастра, из них 6421 ссуду под ипотеку на сумму в 13 856 836 пиастров и 2610 ссуд на 728 226 пиастров под солидарную ответственность. Интересно при этом, что из общего количества ссуд под ипотеку 127 лицам оказан кредит в размере от 10 001 пиастра до 15 000, и 346 лицам от 5001 до 10.000 пиастров. Примерная сумма кредита, полученная этими двумя группами в количестве 473 человек, составляет 4183 тыс. пиастров. Другими словами 7.9% общего количества лиц, получивших кредит под ипотеку, получили 30.0% всей суммы ипотечного кредита. Если же принять в расчет весь кредит, оказанный банком, включая и кредит под солидарную ответственность, то мы получаем, что на 5.2% общего количества ссуд приходится 28.8% суммы кредита. Такая картина была, понятно, по всей Турции, а не только в Сирии. Нужны ли еще большие доказательства того, что Сельскохозяйственный банк оказывал кредит главным образом крупным земельным собственникам? Особенно этому содействовала реформа банка, выполненная уже во время войны в 1916 г., о которой мы скажем ниже. Крестьянские же массы попрежнему вынуждены были обращаться за кредитом к ростовщикам.

Существеннейшей особенностью турецких аграрных отношений до революции было то, что ростовщиками, скупщиками сырья и часто откупщиками ашара были большей частью армяне и греки, которые были тесно связаны с иностранным капиталом, обслуживая его в качестве внутренней агентуры. Это обстоятельство позволяло временами и Абдул-Гамиду и младотуркам переводить классовую борьбу на рельсы национальной розни.

ЗАПУТАННОСТЬ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ

Полуфеодальным производственным отношениям в сельском хозяйстве соответствовали феодальные же пережитки в формах землевладения и чрезвычайная запутанность и сложность этих форм.

Мири (государственные), вакуф (земли духовенства), мюльк (частно-собственнические земли), метруке (земли общего пользования), меват (мертвые), личные поместья султана и его семьи, несколько форм вакуфного владения, земли мири, находившиеся в общинном пользовании и в личном, и т. д. — вот основные разновидности этих форм. Запутанность и сложность этих форм являлась огромным препятствием развитию капитализма в сельском хозяйстве. Господствующий феодальный класс, борясь за сохранение в своих руках основы своей силы — земли, всячески препятствовал вовлечению земли в товарооборот. Юридически вся земля, за исключением мюльковой, принадлежала государству, которое сдавало ее (кроме вакуфных земель, которые сдавались самим духовенством) в пользование, во временное владение, выдавая при этом в особой канцелярии (так наз. тапу) за особый сбор (тоже называвшийся тапу) документ на право владения (также именовавшийся тапу), почему и вся форма землепользования называлась — владение на праве тапу. Кроме земель мюльк, вся прочая земля была юридически неотчуждаема — ее нельзя было ни продать, ни заложить, ни дарить, передача ее по наследству была ограничена очень узким кругом наследников. Так это было юридически. Фактически земля, во-первых, принадлежала в огромной части крупным и средним земельным собственникам; с развитием товарно-денежных отношений земля при помощи всяких ухищрений, которыми обходили юридические путы, вступила в товарооборот, делалась товаром. Но вместе с тем никак нельзя недооценивать значения существовавших феодальных пережитков в юридических нормах как огромного препятствия развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Вдобавок надо учесть, что не было никакого кадастра; записи и документы, доказывавшие право собственности или владения, были чрезвычайно запутаны, никакой уверенности в своем имуществе ни у кого не было — в любой день можно было согнать собственника или владельца земли и отдать ее другому, что за взятки часто и делалось. Все это чрезвычайно затрудняло приложение капитала к земле, улучшение методов земледелия, и следовательно препятствовало развитию производительных сил в сельском хозяйстве.

Нарождавшиеся капиталистические элементы вели борьбу с этими пережитками. Вопрос о борьбе буржуазных начал с феодальными в турецком аграрном строе требует особого исследования. Надо, однако, сказать, что вплоть до младотурок особо существенных изменений в области аграрного права не удалось добиться. Младотурки приняли несколько законов, кото-

рые, хотя и не затрагивали основ феодальных пережитков, но все же имели известное значение для развития капитализма в сельском хозяйстве. Но они были приняты уже незадолго до мировой войны. Наиболее важные из них вообще не были проведены в жизнь, а те, которые нашли свое применение, сыграли свою роль лишь во время самой мировой войны, способствуя переходу крестьянского землевладения в руки кулаков и помещиков. Основными являются пять следующих временных законов, принятых в 1913 и 1914 гг.:

- 1) закон о кадастре (от 5 февраля),
- 2) закон о передаче недвижимого имущества (от 21 февраля),
- 3) закон о владении недвижимым имуществом юридическими лицами (от 22 февраля 1913 г.),
- 4) закон о предоставлении недвижимого имущества в качестве обеспечения долга (от 25 февраля 1913 г.),
- 5) закон относительно владения недвижимым имуществом (от 30 марта 1914 г.).

По закону о кадастре предположено было создать кадастр по европейскому образцу, произвести размежевание всех земельных участков и дать собственнику участка выписку из земельной книги с указанием стоимости и с планом расположения. Предполагалось, следовательно, произвести межевание, точно определить границы землевладения каждого и выдать владельцу соответствующие документы на право владения. Таким образом, законом о кадастре младотурки стремились закрепить участки за владельцами земли, создать устойчивые отношения в области землевладения и тем самым расширить возможности введения земли в товарооборот — то, чего не было и отсутствие чего было большим препятствием развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, в частности отсутствие кадастра препятствовало развитию технических культур.

Левский пишет, что «едва ли не основной причиной земельных беспорядков в Османской империи была полная неопределенность границ отдельных площадей: в Турции не было межевания. На документах эти границы указывались очень приблизительно и сбивчиво, а указанные в документах пограничные признаки не совпадали с поставленными в натуре знаками».¹ Точно так же и Вгиск указывает, что отсутствовал кадастр, основывающийся на точном обмере участка. Имелись лишь книги, в которых значились записи, произведенные 50 лет назад, и которые не соответствовали действительности. Это создавало состояние правовой неуверенности в области земельных отношений. Земельные беспорядки вследствие отсутствия кадастра

¹ Левский, цит. соч., стр. 12.

особенно сильно давали себя чувствовать в восточных вилайетах, населенных армянами, которые вдобавок ко всему испытывали еще и национальный гнет, где курдские и турецкие беи сгоняли армян с земли также и путем предъявления фальшивых документов на право владения данным участком.

Земельные беспорядки на почве отсутствия кадастра были свойственны, конечно, всей Турции.

Попыток составить кадастр было в Турции несколько. В 1860 г. была произведена попытка составить кадастр, но дальше городов Константинополя и Брусы дело не пошло. Затем проекты кадастра объявлялись в 1874, 1895 и 1900 гг., но они не были реализованы.¹

Точно так же и новая попытка; предпринятая младотурками, тоже фактически не была проведена в жизнь, и тем самым не было устранено крупное препятствие созданию устойчивых правовых отношений в области землевладения.

Важное значение с точки зрения усиления буржуазных начал в земельном праве имел закон о передаче недвижимого имущества, значительно расширявший круг наследников, к которым могла переходить земля мира и вакуфная. Новый закон допускал к наследованию супругов и родственников до третьей степени, т. е. деда и бабки и их потомства.² С целью облегчения применения капитала к земле был издан закон о владении недвижимым имуществом юридическими лицами, по которому разрешалось приобретать землю правительственным и муниципальным учреждениям, действующим на основании специальных законов, оттоманским торговым, промышленным, строительным и сельскохозяйственным обществам, при условии, что они состоят из оттоманских подданных, которым и принадлежат акции с.-х. обществ и при условиях, чтобы земельные владения находились вне деревень, крепостей и т. п. Землю, по этому закону, могут приобретать также и оттоманские благотворительные общества и учреждения (но только в деревнях и местечках).

Одновременно с двумя вышеприведенными законами был принят и важный закон о предоставлении земли в качестве обеспечения долга. Этим законом разрешалось частным банкам или обществам оказывать ипотечный кредит, что раньше не допускалось. Впервые этим законом введено понятие ипотеки. Закладывалась земля и раньше — у частных лиц, главным образом, ростовщиков. Но ипотечные ссуды давались таким образом, что закладчик земельного участка продавал его кредитору с оговоркой права

¹ Georg Jong, Corps de droit ottoman, vol. VI, стр. 90.

² İmval ğayri menkul kanunlari. Deri saadet. 1332.

обратной покупки. Это вело к особым трудностям, особенно если учесть запутанность земельных отношений в Турции. Однако, этот закон позволял ипотечным учреждениям оказывать кредит под земельные участки только в городах или торговых пунктах; таким образом, крестьянин почти не мог извлечь пользу от этого закона. Предполагалось, очевидно, что кредитование сельского хозяйства должно быть функцией главным образом правительственного сельскохозяйственного банка. Но так как этот банк оказывал сельскому хозяйству незначительный кредит и притом преимущественно крупным земельным собственникам (к тому же из-за невероятных формальностей крестьяне не хотели связываться с банком), то масса турецкого крестьянства продолжала обращаться к ростовщику.

Schulmann уже во время войны констатировал, что «ростовщический кредит является к сожалению еще и сегодня единственным выходом для современного голодающего и хиреющего турецкого крестьянина».

Наконец, для укрепления законной гарантии земельной собственности был предназначен последний из перечисленных нами законов — закон относительно владения недвижимым имуществом, который тесно связан с законом о кадастре. Согласно этому закону, все операции по владению землями мира и вакуфными должны были совершаться исключительно в земельном управлении и владельцам должны были выдаваться надлежащие свидетельства. Владение землей без удостоверения в местах, где произведена опись земель, а также выслушивание претензий и жалоб в духовных и гражданских судах и выполнение каких-нибудь операций в правительственных учреждениях касательно тех участков, на которые не будут предъявлены надлежащие свидетельства, запрещались.

Чрезвычайно важное значение имела ст. 5 этого закона, согласно которой каждый владеющий землей мира и вакуфной на основании государственного свидетельства может ее продать как окончательно, так и с условием ее обратного выкупа, может сдать ее в аренду, заложить ее и т. д.

Как видим, младотурки шли по пути известного очищения страны от феодальных пережитков, стремясь создать законную гарантию земельной собственности, ввести землю в товарооборот и облегчить капитализму возможность проникнуть в сельское хозяйство. Но младотурки делали это весьма непоследовательно, они не касались основного — феодальных методов эксплуатации крестьянства, а устранения этого основного недостатка можно было добиться лишь революционным путем, на который младотурки не были, конечно, способны. Тем самым все их законодательные мероприятия, изложенные выше, не могли дать больших результатов. К тому же они были

предприняты уже накануне мировой войны и в значительной мере не были даже реализованы. Так, не был проведен в жизнь важнейший закон о кадастре и связанный с ним закон 1914 г. о владении недвижимым имуществом.

Тот факт, что до войны не удалось добиться существенных результатов в деле уничтожения феодальных пережитков в аграрных отношениях, объясняется тем, что сами капиталистические элементы были еще чрезвычайно слабы, и самое главное — что в позднейшую эпоху появилась новая сила, ставшая основным препятствием развитию Турции, консервировавшая феодальные пережитки, — это иностранный капитал.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И ТУРЕЦКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Иностранный капитал, втягивая турецкую деревню определенных районов в обслуживание европейского рынка сырья, содействовал развитию в ней товарно-денежных отношений и тем самым — усилению социальной дифференциации. Но он, вместе с тем, не только не содействовал тому, чтобы деревня втягивалась в капиталистическое производство, но, наоборот, усиленной феодальной эксплуатацией турецкого крестьянина с целью обеспечить себе дешевое сырье и сверхприбыль всячески этому препятствовал. Иностранный капитал выступал по отношению к турецкой деревне как купец, покупатель сырья, подчиняющий себе производство. В самую деревню иностранные капиталисты не могли проникнуть в силу незнания местных условий и языка и на службу им пришли местные представители торговоростовщического капитала. Положение масс крестьянства в результате ухудшилось. В эпоху империализма, когда характерным стал не экспорт товаров, а экспорт капитала, консервирующая роль иностранного капитала резко усилилась.

При анализе этого вопроса надо иметь в виду, что экспорт иностранного капитала в Турцию носил непроизводительный характер, так как он импортировался главным образом в виде займов. На втором месте после займов стоит экспорт капитала на железнодорожное строительство. Но последнее в Турции никогда не было связано с ее собственными интересами. На первых порах в эпоху промышленного капитализма оно имело целью стимулирование экспорта сырья и импорта товаров, а в империалистическую эпоху оно было главным образом орудием борьбы между крупными империалистическими государствами за мировое господство и передел колоний.

В промышленность иностранный капитал вкладывал очень небольшие средства, и только в те отрасли, которые были связаны с экспортом, т. е. в промышленность по первичной технической обработке сырья. Сюда устремлялся в известной мере и туземный капитал. Что касается других отраслей, то иностранный капитал всячески препятствовал их росту, дабы не ограничивать возможностей импорта своих товаров. Таким образом, капитал, накопленный в торговле и ростовщичестве, не имел сферы приложения и вновь обращался в землевладение и ростовщичество. Торговцы срачивались с полуфеодалами и становились на службу иностранному капиталу в качестве приводного ремня между ним и турецким крестьянством. Одновременно с этим разоряемые крестьяне не могли уйти в город, в промышленность, так как таковой почти не было и росла она чрезвычайно медленно, а продолжали жалкое существование издольщиков, понижая лишь свой жизненный уровень и превращаясь в пауперов.

Этим, однако, картина эксплуатации империализмом турецкого крестьянства не исчерпывается.

Кроме сказанного, иностранный капитал сам становился в непосредственные отношения к турецкому крестьянину, вмешиваясь в самое производство. Такова была табачная монополия «Régie de tabacs». Эта организация, созданная в 1883 г. Венским Credit-Anstalt, берлинским обществом Bleichröder et Cie и Оттоманским банком, как одно из основных предприятий Администрации турецкого публичного долга (с капиталом в 4.4 млн. тур. лир), получила исключительные права (на 30 лет, с возможностью дальнейшего продления) в области регулирования табачного производства, переработки, продажи и экспорта табака. Без разрешения монополии крестьяне не в праве были производить табак. В тех местах, где условия по мнению «Régie» благоприятствовали разведению табака, общество давало крестьянам авансы, закабалая таким методом крестьян-табаководов. В других случаях, там, где условия разведения табака были по мнению общества недостаточно благоприятны, там крестьяне вынуждались прекратить производство табака (разрешение не давалось на участки менее полденюма, участки, не обнесенные забором, расположенные внутри или на расстоянии менее 3 км от города с населением свыше 15 000 чел.). «Régie» имело свои отделения во всех районах разведения табака (так наз. назареты, которые имели в более мелких провинциях так наз. мудириеты и мемуриеты). Через своих инспекторов оно осматривало возделанные под табаком участки и определяло ожидаемый сбор, дабы воспрепятствовать продаже табака на сторону. В целях борьбы с контрабандой монополия имела многочисленный

штат так наз. колджи, т. е. сторожей — агентов по борьбе с контрабандой, в том числе и верховых.

После сбора урожая табаковод должен был сдать весь табак в ближайшее отделение «Régie», где он его хранил вначале — в течение полугода бесплатно, а затем в течение $1\frac{1}{2}$ лет за плату. Если в течение этого времени табак не будет продан ни «Régie», ни экспортеру (но под контролем «Régie»), то последняя была вправе продать табак с аукциона.

Для того чтобы иметь хотя бы известное представление о той эксплуатации, которой подвергала «Régie» турецких табаководов, достаточно сказать, что она покупала (в 1893—94 г.) у крестьян табак по 4.31 пиастра за кг, переработка табака стоила 4.12 пиастра за кг, а продавала в среднем по 30.91 пиастра за кг.¹

Аналогичная монополия в пользу «Régie» была введена и на томбеки (особый сорт табака, употребляемый для водяного кальяна, — наргиле). Табаковод мог продавать томбек и на внутреннем рынке, но при условии уплаты в пользу «Régie» акциза в размере 4 пиастров за килограмм.

Кроме этого правительство уступило «Régie» право взимания ряда сборов:

1) сбора с табака в районах, где не применялась бандерольная система, установленная в 1874 г., — это провинции Мосул и Багдад,

2) ввозную пошлину на сигары, трубочный и нюхательный табак, составлявшую 75% ad valorem с сигар и трубочного табака и 100% с нюхательного табака,

3) экспортную пошлину с табаков, экспортируемых в страны, входившие в состав Османской империи,

4) акциз на томбек (в 1892 г. было основано в Париже особое Общество томбека, коему были переданы монопольные права на томбек, аналогичные правам «Régie»),

5) сбор за разрешение продажи табака.

Взамен этих прав общество «Régie» было обязано вносить Администрации публичного долга по 750 000 лир ежегодно, выплачивать акционерам 8% чистой прибыли и давать основателям определенный процент. Остаток прибыли распределялся между Администрацией долга, правительством и «Régie» по следующей шкале:

¹ Aralanian. Vilayet d'Angora, стр. 124.

Остаток прибыли		Администрации	Правительству	«Régie»
от	до	в процентах		
	500 000 лир	35	30	35
500 000	1 000 000 »	34	39	27
1 000 000	1 500 000 »	30	52	18
1 500 000	2 000 000 »	20	70	10
свыше	2 000 000 »	15	75	10

Приведенные данные показывают, какими огромными правами пользовалась компания «Régie». Прибыли этой компании, равнявшиеся в 1887—1888 г. 105 365 лирам, увеличивались из года в год и достигли в 1906—1907 г. 469 049 лир.¹ Для того чтобы источник роста прибылей был достаточно ясен без комментариев, укажем, что стоимость купленного монополей табака составляла в 1884—1885 г. 35% стоимости проданного табака, в 1894—1895 г. этот процент равнялся уже только 26,7, а в 1906—1907 г. упал до 22,7. При обрисованных условиях ясно, что компания «Régie» была сильным препятствием должному развитию табаководства в Турции.

Эксплуатация крестьян при помощи феодальных методов была тем источником, из которого погашались займы, уплачивались проценты по ним и выплачивались прибыли железнодорожным концессиям в виде так называемой километровой гарантии, потому что основным источником этого был налог ашар.

С того времени, когда в Турции была создана организация по урегулированию долгов, так наз. Администрация оттоманского публичного долга, т. е. с 1881 г., к которой для обеспечения платежей перешел ряд налогов с крестьян, с того времени империалистический капитал сам непосредственно стал сталкиваться с турецким крестьянином в качестве его феодального эксплуататора. Зерно или какой-либо другой продукт турецкого издольщика попадали непосредственно на склады вышеуказанной империалистической организации.

Для характеристики этой Администрации как феодального эксплуататора можно еще указать на такой факт: Администрации оттоманского публичного долга было передано право взимать за разрешение на право ловли рыбы сбор в размере 10 пиастров, одну пятую часть всего улова в крупных водоемах (морях, крупных озерах и впадающих в море реках) и одну десятую часть улова в мелких водоемах (притоках рек и мелких озерах). Не говоря уже о самом феодальном характере этого налога, необходимо

¹ A. Heidborn. Les finances ottomanes, Wien — Leipzig, 1912, стр. 196 и сл.

указать, что Администрация долга сдавала этот налог на откуп за определенную годовичную сумму, а откупщик взимал этот налог с рыбаков.

«Вследствие такого обложения и скудости улова, — пишет Руппин, — цена на рыбу довольно высока (в среднем 7 пиастров = 1.5 франка за килограмм), так что рыба нигде не стала действительным продуктом народного питания, а появляется только на столе у более или менее состоятельных людей».¹

Подобного рода деятельность иностранного капитала могла протекать лишь благодаря принуждению населения со стороны государственной власти, которая сводилась при этом на роль политического аппарата для эксплуатации турецкого крестьянина в пользу империалистического капитала.

Иностранцы сопротивлялись всяким попыткам рационализировать поступление налогов. Schulmann² указывает, что были неоднократные попытки рационализировать поступление налогов, но они всегда наталкивались на сопротивление иностранных послов, опиравшихся на капитуляционные права. В качестве примера автор приводит неудачную попытку модернизировать поступление промыслового налога «теметтю». Это приводило к переобложению крестьянства.

Таким образом иностранный капитал в Турции, содействуя разрушению натурального хозяйства, втягиванию части турецкого сельского хозяйства в мировой товарооборот и развитию в турецкой деревне товарно-денежных отношений, вместе с тем не уничтожал, однако, докапиталистических форм эксплуатации и кабалы, а, наоборот, либо непосредственно, либо при помощи своей туземной агентуры использовывал эти формы в своих интересах, сделавшись таким образом крупнейшим препятствием на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве Турции.

В этом — в противоречии между начавшимся развитием капитализма в сельском хозяйстве и сдерживавшими его при помощи империализма феодальными пережитками — и заключалось основное противоречие в турецком аграрном строе до войны. Благодаря неразрешенности этого противоречия, благодаря тому, что вдобавок к феодальному гнету, который тяготел над турецким крестьянством, присоединился еще гнет империалистический, благодаря этому турецкий народ, по выражению исследователя Bruck'a, был «приведен через голод и страшные болезни к вырождению и умиранию», благодаря этому турецкое сельское хозяйство до войны характеризовалось чрезвычайной отсталостью.

¹ А. Руппин, цит. соч., стр. 117.

² Schulmann, цит. соч., стр. 96.

ОТСТАЛОСТЬ ТУРЕЦКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Земледелие, составлявшее основное занятие турецкого населения, характеризовалось повсеместно невероятной отсталостью. Карлайль писал в 80-х гг. прошлого столетия:

«Ныне во всей этой стране от Скутари до Эрзерума и от Синопа до Мокко в повсеместном употреблении подобие того плуга, которым может быть еще Ной царапал долины возле Арарата. В таком же первобытном состоянии находится и сбор податей и произведений полей. К счастью, обилие пахотной земли восполняет недостаточность производительности, происходящей от несовершенного состояния земледелия. Когда поле обнаруживает признаки истощения, земледelec переносит свою деятельность на девственную или залежную почву, и таким образом идет кругом, возвращаясь к первому участку, где почва успела оправиться.¹

Результаты, получаемые от подобного хозяйства, конечно, составляют минимум того, что могла бы дать разумная обработка в пользу самого земледельца и государственного казначейства, коего доходы основаны, главным образом, на десятине в деньгах или в натуре взимаемого продукта.

Можно поэтому сказать, что земледелие в провинциях вообще находится в младенчестве, обработка земли производится повсеместно первобытными способами и приносит результаты, нисколько не соответствующие плодородию земли, к которой оно прилагается. Насколько мои личные наблюдения над четырьмя из числа пяти полос, разделяющих страну, дают мне право говорить утвердительно, таково повсеместное состояние земледелия, за исключением нескольких ферм около Скутари и Брусы и одной около Яффы.² Это писалось в 80-х гг. прошлого столетия, но примерно то же самое писал подполковник Вронченко в 30-х гг.

«Земледельческие орудия анатолийцев очень просты и грубы, особенно у племен кочующих. Соха часто есть не что иное, как обтесанное бревнышко с крепким косвенным суком, на который надевается плоский железный наконечник».³

Но вот уже в годы войны G. Herlt, долго живший в Турции и также хорошо знающий состояние ее сельского хозяйства, писал то же

¹ Подчеркиваем эту крайне отсталую систему землепользования, как единственный способ восстановления естественного плодородия почвы, истощаемой благодаря хищническому способу ее использования. А. Н.

² Мак Коан Карлайль. Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Малой Азии, перев. с англ., изд. 1884 г., стр. 282.

³ Вронченко. Описание Малой Азии в ее нынешнем состоянии, 1840, стр. 269.

самое. Он писал, что турецкий крестьянин не знает никакого севооборота и никакого удобрения и работает с примитивным инвентарем. Поля засеиваются постоянно одним и тем же продуктом, пшеницей или ячменем, и остаются после урожая на один год пустовать.

Как видим, турецкое земледелие до войны находилось на крайне низкой ступени, и если угодно дать известное цифровое выражение отсталости турецкого земледелия, то достаточно сказать, что в пределах нынешних границ Турции использовывалось всего 17.51% ее годной площади для земледелия и что на душу населения Турции приходилось всего около 440 кг валового сбора хлебов (пшеницы, ржи, ячменя, овса, кукурузы и риса), в том числе 227 кг пшеницы, и что товарность турецких зерновых культур не превышала 8% от общего валового сбора этих культур.¹

Использование площади под земледелие, правда, было крайне неравномерным. Процент использования площади сильно падает при движении с запада на восток и с периферии вглубь страны. Это можно продемонстрировать следующими данными, вычисленными на основе цифр, приведенных у Mears'a (на 1910 г).²

Вилает	Уд. вес годной для землед. площади в общ. территории вилаета ³	% использования годной площади
Айдын	25.70	41.1
Ангора	17.33	43.9
Трапезунд . .	33.51	52.4
Адана	47.07	27.0
Эрзерум . . .	37.66	11.6
Харпут	47.53	10.1
Ван	45.13	3.4
Диарбекир . .	77.97	1.5

Проценты, приведенные во второй колонке, надо увеличить, учитывая преобладание двухпольной и трехпольной системы севооборота. Таким образом, в районах наибольшего сосредоточения турецкого крестьянства площадь была использована в довольно высокой степени. Лишь районы восточной и отчасти центральной Анатолии имеют огромные неиспользованные земельные площади. Но в известной степени имеются они и в других районах. Надо тут же сказать, что одним из важнейших условий расширения использова-

¹ Товарность вычислена нами на основе данных сельскохозяйственной переписи 1913—1914 г., которые приведены в статье проф. Гофмана (см. Prof. Hoffman, Die Getreideproduktion der Türkei. Weltwirtschaftl. Archiv, Bd. 12, H. 2).

² Mears. Modern Turkey. New-York, 1924, стр. 284.

³ Не считая пастбищ и лугов.

ния площади под земледелие является постройка сооружений для искусственного орошения, которое играет для Турции огромную роль. Большая часть площади центрального плоскогорья зависит от искусственного орошения, в чем большую отрицательную роль сыграло истребление населением лесов; точно так же на западе, где осадков гораздо больше, но где по характеру производимых там технических и садовых культур необходимо гораздо больше влаги, нежели для зерновых культур, требуется постройка ирригационных сооружений для регулирования течений рек, причиняющих своими разливами большие разрушения сельскому хозяйству этих районов. Ввиду большого значения орошения, население и земледелие сосредоточены возле источников орошения, по долинам рек и на равнинах, где крестьянство ютится в небольших селениях, внешность которых, по выражению Карлайля, «мало изменилась с тех пор, как Ксенофонт описал их прототипы двадцать столетий тому назад».

Отметив выше неравномерность освоения площади по районам, мы вместе с тем подчеркиваем факт незначительного использования площади под земледелие и огромный разрыв между количеством годной площади и степенью ее использования.

Скотоводство — вторая важнейшая отрасль турецкого сельского хозяйства, игравшая в ряде районов первенствующую роль — точно так же являло картину чрезвычайной отсталости. При отсталости турецкого земледелия иначе и быть не могло. Никакого правильно поставленного производства кормовых ресурсов для целеустремленного выращивания скота не было. Основной кормовой базой турецкого скотоводства было пастбище; значительная часть стада концентрировалась у полукочующих турецких и в особенности курдских племен, населявших центральную, северо-восточную и восточную Анатолию, где скотоводство, а не земледелие играло первенствующую роль; и даже под самой Смирной кочевали юрки со своими стадами. Основной массой турецкого стада был мелкий рогатый скот. Так, по данным Mears'a, состав стада в 1913 г. был таков (в тыс. голов).¹

Буйволы	300.3	Мулы	144.6
Быки	2397.3	Ослы	1373.7
Волы	175.1	Овцы	12347.8
Коровы	2501.0	Ягнята	5373.8
Телята	1158.5	Козы	14424.2
Лошади	506.8	Ангорск. козы	2039.0
Пони	204.4	Верблюды	314.0
Вьючные лошади	339.4	Разные	30.0

¹ Mears, цит. соч., стр. 289.

Из общего количества в 44 627 тыс. голов 35 185 тыс. голов, или 79% всего стада, приходится на мелкий рогатый скот. Коров было очень мало. Чтобы иметь представление о качестве турецкой коровы, достаточно привести следующие данные: корова давала ежедневно в течение 3—4 месяцев 1—2 окко молока, столь бедного жиром, что для получения одного окко масла требуется 25—28 окко молока. Лучшую корову подобного рода можно было купить за 4 лиры = 72 марки, а похуже за 150 пиастров или 27 марок.¹

Продукты основных видов турецкого стада в ряде районов, особенно внутренней Анатолии и в меньшей степени юго-восточной Анатолии — мясо, шерсть, сыр — были уже издавна предметами внутреннего товарооборота. С проведением железных дорог товарность турецкого скотоводства значительно увеличилась, особенно шерсти, в связи с появлением большого спроса на этот продукт со стороны иностранных рынков.

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Констатируя чрезвычайную отсталость турецкого сельского хозяйства и, в частности, весьма низкую товарность зерновых культур, мы вместе с тем отметим, что за последние десятилетия стали сильно проникать товарно-денежные отношения в область зернового хозяйства и пробивать брешь в натуральном хозяйстве. Огромную роль в этом деле сыграли железные дороги. Этот процесс имел место как во внутренней Анатолии, так и, в особенности, в прибрежных районах.

Развитие товарно-денежных отношений во внутренней Анатолии

Что касается внутренней Анатолии, то многочисленные исследователи отмечали, что при отсутствии дорог и при сопряженной с этим дороговизне перевозки, разведение злаков в количестве, превышавшем местные потребности, было в начале сосредоточено главным образом в соседстве морей. По мере удаления от моря, даже в окрестностях Ангоры, Сиваса, Харпута и Мосула, злаки почти переставали быть предметом вывоза.² Вследствие этого существовала колоссальная разница в ценах провинции и центра. До постройки железной дороги в Константинополь тонна пшеницы (летом) стоила в этом го-

¹ Richard Hermann, цит. соч., стр. 51.

² См. Карлайль, *op. cit.*, стр. 149.

роде 130 марок, а в Анкаре 45 марок, тонна ячменя соответственно 92 и 36.¹

По мере роста сети железных дорог росла и поставка зерна на рынок турецкой деревней. Это достаточно убедительно демонстрируется следующими данными о перевозках по железной дороге (в тоннах).²

По железной дороге Хайдар-Паша—Анкара, соединяющей Константинополь с внутренними районами страны, было перевезено в 1893 г. 51 390 т хлебов, в 1910 г. 151 306 т (294.4% к предыдущему) и в 1911 г. 262 146 т (510% по отношению к перевозкам 1893 г.). Мы видим довольно быстрый рост перевозок зерновых культур.

Рост вывоза зерна из внутренней Анатолии вызвал там значительный рост цен. Так, в Анкарском вилайете цены выросли на 30—80% в зависимости от района. В связи с этим имел место и рост продукции. В 1890 г. продукция злаков Анкарского вилайета равнялась 3.2 млн. гектолитров в 1893 г. уже 5412 тыс.³

Однако, значительный рост производительных сил в зерновом хозяйстве не имел места, так как производственные методы остались те же и почти не обновились. Несмотря на отдельные попытки немецких железнодорожных концессионеров уже в позднейшие годы, накануне войны, протолкнуть в деревню сельско-хозяйственные машины, они ощутительных результатов не получили. Буржуазные писатели отмечали странную консервативность турецкого (вообще восточного) крестьянина, который де не хочет употреблять с.-х. машин, и искали объяснения этому факту в идеологии мусульман, в быте турок и т. п., и, конечно, ничего не находили. Объяснения надо было искать в социальных условиях, в тех производственных отношениях, в которых работал турецкий крестьянин и которые мы обрисовали выше.

Наряду с зерновыми культурами, вследствие открытия железнодорожного сообщения с центром страны развилась и товарность скотоводства как в связи с резким усилением экспорта мюгера, так и в связи с усилением вывоза скота на мясо в Константинополь и другие центры. Уже в первые годы открытия Анатолийской железной дороги экспорт мюгера начал резко возрастать. В 1893 г. стоимость его экспорта равнялась 35 506 556 пиастрам, в 1894 г. 54 772 719 и в 1895 г. 73 275 667 пиастрам.⁴ Наряду с этим, вследствие импорта по этим путям огромной массы европейского

¹ V. Totomjanz und E. Toptschjan, цит. соч., стр. 82.

² M. Hecker. Das Eisenbahnwesen der Asiatischen Türkei. Archiv für Eisenbahnwesen, 1914, 6, стр. 1539.

³ Arslanian. Le vilayet d'Angora, p. 11—12.

⁴ Totomjanz und Toptschjan, цит. соч., стр. 71.

текстиля, заглохла развитая до того времени местная суконная промышленность, вырабатывавшая сукна из могоера. По этой причине внутренняя промышленность не могла быть таким же потребителем могоера, каким она была раньше. Если до открытия железных дорог она поглощала его основную часть, то в дальнейшем она потребляла уже только одну четверть общей продукции, а три четверти ее шло на экспорт. При этом произошло большое снижение цен на могоер. Так в 50—60-х гг. прошлого столетия килограмм могоера в Анкаре стоил 30—40 пиастров, в 90-х годах уже он стоил всего 12—16 пиастров. Понижение цен произошло главным образом вследствие того, что за этот период англичане сумели вывезти производителей ангорских коз из Турции и вырастить в своих колониях огромные стада последних. Не малое значение при этом имело и появление на рынках огромного количества китайского и японского шелка.¹ Увеличился и вывоз мелкого рогатого скота на мясо. Из Анкарского вилайета вывозилось ежегодно 200—250 тыс. голов. Это количество могло бы быть доведено до 500 тыс. голов, если бы высокие тарифы на железной дороге этому не препятствовали. Рост вывоза скота из внутренней Анатолии вызвал рост цен на мясо в городах. Так, в Анкаре, до открытия железных дорог, килограмм мяса стоил от 40 до 80 сантимов, после же открытия цена его поднялась до 1 франка 50 сантимов, зато она значительно упала в Константинополе. В последующие годы цена мяса упала и в Анкаре.²

Одним из существенных препятствий развитию товарности в турецком зерновом хозяйстве был захват рынков пшеницы и муки крупнейших потребительских центров Турции иностранным капиталом.

Крупнейшим импортером муки и пшеницы были Франция (50% импорта муки), Россия (20% импорта муки и 35% импорта пшеницы), Италия (15% импорта муки), Румыния (15% импорта муки и 20% импорта пшеницы) и Болгария (25% импорта пшеницы).

Немалым препятствием развитию товарности зерновых культур и скотоводства была и тарифная политика железнодорожных компаний. Железнодорожные тарифы в Турции были значительно выше европейских. Так, например, на Анатолийской железной дороге злаки транспортировались в вагонах, по 15 000 кг в каждом, по 6 сантимов за тонно-километр, в то же время протекционный тариф в Германии не превышал и половины этой суммы, а на железной дороге Чикаго — Нью Йорк — одной четверти. В России железнодорожный тариф колебался в довоенное время в зависимости от

¹ Arslanian. Le vilayet d'Angora, p. 21.

² Там же, стр. 79.

расстояния, от 2—2.8 коп. за тонну-километр и падал до 1.5—1.7 коп. при расстоянии в 400—500 верст и 0.75—0.6 коп. при расстоянии свыше 1000 верст до порта.

Бараны и овцы должны были перевозиться укомплектованными вагонами, содержащими от 80 до 100 голов, по 330 франков за вагон с обязательной гарантией отправки 100 вагонов в течение года. В противном случае тариф увеличивался в 4 раза.

При таких условиях нет ничего удивительного в том, что верблюжьи караваны успешно конкурировали с железнодорожным транспортом.¹

Не менее высоки были и пассажирские тарифы. В 1-м классе стоимость проезда 1 км равнялась $15\frac{5}{8}$ сантима, а в 3-м классе 3.5 сантима. В то же время в Австрии проезд в 1-м классе стоил 9 сантимов за 1 км, а в 3-м классе 3.5 сантима.²

Иностранные железнодорожные концессионеры меньше всего интересовались развитием производительных сил страны. В экспорте турецкой пшеницы иностранцы не были заинтересованы. Наоборот, многие из них как импортеры были заинтересованы в обратном. Железнодорожные концессионеры не были также особенно заинтересованы в развитии грузооборота с целью увеличения доходности, так как доход был обеспечен километрическими гарантиями. Таким образом, иностранные капиталы препятствовали должному использованию такого мощного орудия для развития товарности сельского хозяйства, как железнодорожный транспорт.

Тем не менее, даже при существовавших тарифных условиях строительство железнодорожного транспорта вызывало сильный рост товарности зерновых культур. Этого обстоятельства, между прочим, серьезно боялась Россия, не желавшая иметь в лице Турции конкурента в области экспорта злаков. Оно же было также одним из важнейших мотивов, вызывавших противодействие со стороны России строительству железных дорог в Турции.

«Главный вред, который может нанести немецкое предприятие экономическому росту России, как земледельческой страны, это конкуренция на хлебном рынке Европы» — пишет подполковник Томилов об Анатолийско-Багдадской ж. д.³ В доказательство своих слов он приводит собранные им данные о чрезвычайной дешевизне хлеба в районах Турции, не имеющих железнодорожной связи с портами, и данные о портовых ценах.

¹ D. Arslanian. Le vilayet d'Angora, p. 86.

² Totomjanz und Toptschjan, цит. соч., стр. 80.

³ Подполковник Генер. штаба Томилов. Отчет о поездке по Азиатской Турции, ч. I, 1907, стр. 356.

Вот эти данные:

Города	пшеница	Базарная цена за пуд хлеба в копейках:			
		ячмень	просо	кукуруза	чечевица
Моссул	40—45	20—25	10	20—25	67
Окрестности его	35—40	17—20	—	—	—
Мардин	33—35	21	17	25	57
Диарбекир	33	20	—	20	60
Айнтабн	55	28	—	—	78
Алеппо	60—75	40—50	—	50—55	87—95

Эти цены были зимой 1903—1904 г. «перед самым временем нового посева и следовательно в период довольно благоприятный для повышения цен на хлеб. Цены, как видно, сильно падают по мере удаления от Средиземного моря вглубь страны, на восток».¹

В то же время в Мерсине в 1903 г. экспортная цена пуда пшеницы равнялась 1 руб. 17 коп. за пуд, а пуда ячменя — 61 коп. за пуд, в Александретте средняя экспортная цена пуда злаков (пшеницы, ячменя, овса и пр.) равнялась 65 коп. за пуд. Эта большая разница в цене существовала вследствие отсутствия железной дороги. «С проведением Багдадской железной дороги масса хлеба сейчас же потечет из Месопотамии и Сирии сперва к Средиземному морю, а затем в Европу, что быстро поднимет земледелие в этих богатых странах, которые и станут самыми серьезными конкурентами России на хлебных рынках Западной Европы».²

Этот взгляд не был только личным взглядом цитированного автора, но его разделяли правительственные круги империалистической России. Препятствуя железнодорожному строительству в Турции, Россия тем самым создавала большие преграды развитию производительных сил в сельском хозяйстве, в особенности в зерновом.

После всего сказанного понятно, почему рентабельность зернового хозяйства, в особенности мелкого, была крайне низкой. Хозяйство в 15 га давало накануне войны чистый доход в размере 17 марок на 1 га, т. е. всего 260 марок в год; другие от 25 до 30 марок на 1 га. Лишь крупные поместья в Киликии, которые сеяли и хлопок, давали по 40 марок чистого дохода на га.³ Но крестьянская масса не обладала хозяйством в 15 га.

¹ Томилов, цит. соч., стр. 356.

² Там же, стр. 356—357.

³ O. Warburg, *Die Landwirtschaft der Türkei*. В сборнике «*Das Türkische Reich*» под ред. J. Hellauer'a, 1918, S. 182.

«При таких условиях,— пишет тут же Warburg,— нет ничего удивительного в том, что число свободных крестьян скорее сокращается, чем увеличивается.

Крестьянская земля составляет в ряде провинций от 15 до 50% всей обрабатываемой земли, остальное принадлежит вакуфам, правительству или крупным земельным собственникам, которые, однако, за редкими исключениями опять же обрабатывают землю издольщиками, большей частью прежними свободными крестьянами».

Промышленные и садовые культуры, в которых иностранный капитал был заинтересован как потребитель, отличались, в противовес зерновым, гораздо большей товарностью. Такими культурами являлись табак, хлопок, опиум, шерсть, шелк-сырец, изюм, фиги, орешки и др. — все это культуры, которые почти целиком экспортировались. Главным центром производства этих культур было побережье, в особенности западное и южное.

Развитие товарно-денежных отношений в прибрежных районах

Начиная уже с 40-х годов прошлого столетия значительно усилились торговые связи западного побережья Турции с европейскими рынками.

Это видно по данным об экспорте из Смирнского порта, являвшегося в прошлом и являющегося и сейчас центром притяжения экспортной продукции не только из районов западного побережья, но и из районов более глубоких, например, из западных районов Кониийского вилайета. Данные о динамике стоимости вывоза из этого порта таковы:¹

За период	1839—1848	29 411 000	Франков
» »	1849—1858	49 378 400	»
» »	1859—1868	101 352 140	»
» »	1869—1878	106 462 350	»
» »	1879—1888	111 915 050	»
» »	1889 г.	135 000 000	»

Особенно резкий скачок экспорта вверх мы видим в годы 1859—1868, т. е. в годы строительства смирнских железных дорог.

В последующие годы динамика грузооборота Смирнского порта была такова (по данным консульских агентов Франции):

	Экспорт	Импорт
1898 г.	249 500 т	217 604 т
1902 г.	384 925 »	297 530 »
1906 г.	403 268 »	336 622 »

¹ F. Rougon. Smyrne, p. 131.

Тоннаж судов, прошедших через Смирнский порт, равнялся в 1901 г. 1 940 240 т, в 1904 г.— 2 212 169 т и в 1908 г.— 2 835 567 т.

Росли и обороты главного южного порта — Мерсины.¹ В 1890 г. годовой оборот этого порта равнялся 8 909 290 руб., в 1903 г. 12 591 296 руб., в том числе вывоз соответственно — 5 711 290 и 8 082 018 руб. и ввоз соответственно 3 198 000 и 4 509 278 руб. При этом значительно выросли обороты с самой Турцией, что доказывает рост внутреннего товарооборота.

Так, обороты с самой Турцией составляли:

Годы	Вывоз	Ввоз	Годовой оборот
1890	592 125 руб.	706 875 руб.	1 299 000 руб.
1903	3 344 209 »	1 745 880 »	5 090 089 »

Все же, основная часть оборота Мерсины приходилась на внешнюю торговлю. Тоннаж судов, прошедших через Мерсину в 1890 г., равнялся 294 912 т, в 1903 г.— 462 885 т и в 1907 г. 560 354 т.²

Росту экспорта сопутствовал рост продукции главных экспортных культур. Так, например, в 1884 г. было под табаком 192 262 денюма, в 1900 г. было уже 370 310 денюмов, а в 1911 г., накануне балканской войны, было 814 162 денюма; в последующие годы площадь сократилась благодаря потерям, связанным с балканскими войнами (сокращение территории и др.). Соответственно выросла и продукция табака — с 22.5 млн. кг в 1884 г. до 63.5 млн. кг в 1911 г.³ Росло также и хлопководство. Еще в 1896 г. Аданский район дал всего лишь 2000 кип хлопка (по 200 кг. в каждой). Уже в 1905 г. сбор хлопка в этой долине равнялся 4500 кип, а в 1914 г. 135 000 кип.⁴ Продукция хлопка в этом районе выросла в частности под воздействием германского синдиката — германский империализм пытался здесь создать себе хлопковую базу — причем площадь под хлопком выросла незначительно, но урожай с акра возрос с 75 до 95 фунтов, а также значительно улучшилось и качество хлопка. Росло производство и других технических и садовых культур.

Рост товарности специальных культур вызвал рост цены на землю под эти культуры.

Виноградник в долине реки Буюк Мендерес-чай и Гедиз-чай стоил в зависимости от состояния лоз и качества винограда от 100 до 250 фран-

¹ Подполковник Генерального штаба Томилов. Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г., ч. 1-я. СПб., 1907 г., стр. 43.

² L. Vannatuelli. *Anatolia Meridionale e Mesopotamia*. Roma, 1911, стр. 151.

³ *Istatistik Jiligi*, cilt 5, 1931, 32, стр. 197.

⁴ *Sevketi Sureyya. Cihan Iktisadiyatinda Türkiye*, 1931, стр. 35.

ков за денюм, а в некоторых районах даже от 300 до 400 франков. В Смирнском каза цена земли была не ниже 450 франков. Фиговые плантации стоили от 150 до 300 и даже от 400 до 500 франков за денюм сообразно качеству земли и состоянию деревьев.¹

Земля под злаками (пшеница, ячмень, бобы, сезам и пр.) стоила от 30 до 40 франков за денюм в санджаке Сарухан и от 10 до 200 франков в Айдынском санджаке, а в Караманском санджаке, например (Кониийского вилайета), орошаемая земля стоила 20 франков за денюм, а неорошаемая 2 франка.

Хлопковое поле стоило от 100 до 200 франков за денюм в Смирнском санджаке и от 40 до 200 франков в Айдынском.

Точно так же в Константинопольском районе высоко ценились земли под овощами. Земля под овощами в районе Измида — главного овощного центра, снабжавшего овощами Константинополь и ряд других городов, — стоила уже в начале 900-х гг. от 15 до 20 тур. лир за денюм (от 400 до 520 франков), причем ее вообще трудно было найти; в то же время денюм обычной земли стоил 2 лиры.²

Вместе с ростом производства технических и садовых культур, т. е. вместе с ростом специализации турецкого сельского хозяйства по мере подчинения его иностранному рынку, в известной мере проникали и капиталистические отношения. Появилась необходимость в наемной рабочей силе, в частности, большого количества рабочих требовало хлопковое производство в период уборки. В начале 90-х гг. Rougon отмечал слабое употребление машин в западной Анатолии. Но незадолго до войны в районы крупного хлопкового производства начали уже проникать машины. Так, например, Bruck писал: «Необходимо признать, что в последние годы перед возникновением войны у отдельных крупных землевладельцев между ними меньше чистых турок и больше греков, армян, сирийцев и др., все больше наблюдалось понимание более современных производственных методов для более высокой продуктивности. В последнее десятилетие до войны в Аданском вилайете было не меньше 1000 косилок, 100 паровых молотилок, 25 двойных паровых плугов, 85 обыкновенных паровых плугов вошло в производство».³ Вместе с увеличением производства специальных культур и ростом применения сельскохозяйственных машин росло и применение наемной рабочей силы. Для Аданского хлопкового района, например, рабочая сила

¹ F. Rougon. Smyrne, p. 75.

² Richard Hermann. Die Anatolische Landwirtschaft u. s. w., стр. 108.

³ Bruck, цит. соч., p. 17.

становилась серьезной проблемой. Чтобы собрать урожай хлопка в этом районе, требовалось привлекать из других районов 50—70 000 странствующих рабочих. Большое количество сельскохозяйственных рабочих, большей частью тоже временных, требовали табачная и другие культуры. Стоимость рабочих рук в Западной Анатолии в 90-х годах прошлого столетия была такова. Для обычных земледельческих работ от 1 франка 50 сантимов до 2 франков в день в Смирнском санджаке, от 60 сантимов до 2 франков в санджаках Сарухан и Айдын и от 0.75 франка до 1 франка в санджаке Ментеше — без питания.

Не в период урожая рабочие руки были дешевле и стоили от 1 до 1.10 франка мужские и в среднем 0.70 франка — женские.

В Конийском вилайете, где рабочие руки употреблялись лишь в случае весьма обильного урожая, подневная плата равнялась 0.60—1 франку. При сборе хлопкового урожая были заняты преимущественно женщины, которые получали в среднем 1 франк в день. Мужчины получали 2 франка в день. В Айдынском вилайете во время сбора урожая хлопка женщины получали 60—70 сантимов в день. При очистке хлопка рабочие получали 5—6 пара за окко.¹

Мы видим, сколь низка была заработная плата сельскохозяйственных рабочих. Оно и понятно. При преобладании издольщины уровень жизни турецкого крестьянина крайне низок. Европейцы постоянно умилялись исключительной нетребовательностью турецкого крестьянина. «Умеренность турка известна так же, как и его гостеприимство, — говорит Негманн. — Несомненно есть что-то красивое в довольствии малым, но я думаю, что анатолийский крестьянин мог бы больше производить, если бы он больше, и лучше ел».² При крайне низком уровне жизни турецких издольщиков и слабом развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве и ряде других причин (отсутствии организованной борьбы рабочих за свои интересы и пр.) зарплата сельскохозяйственных рабочих неминуемо должна была быть столь низкой, как указано выше.

В западных и южных прибрежных районах, как видим, дифференциация была наиболее сильной. Здесь больше уже было капиталистических помещиков. еще больше было здесь кулаков, либо полукулаков-полуфеодалов, сочетавших и феодальные и капиталистические методы эксплуатации;

¹ Rougon. Smyrne, p. 76.

² Негманн. Die Anatolische Landwirtschaft, u. s. w. p. 18. Автор пробыв в Турции 6 лет в качестве главного инспектора земледелия при Мин. земледелия, руд и лесов.

здесь, наконец, концентрировались основные кадры сельскохозяйственного пролетариата.

Итак, несомненно, что товарно-денежные отношения в турецком сельском хозяйстве начали со второй половины XIX столетия развиваться особенно сильно. Они существовали и раньше. Побережье Турции, в особенности западное и южное, было втянуто в европейский торговый оборот уже в течение столетий. Значительно слабее, но все же были втянуты в торговый оборот и отдельные города центральной Анатолии, лежавшие на главных, пролежавших через Турцию, путях в Индию, Иран и другие восточные страны. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве выразилось в росте поставки на рынок продуктов сельского хозяйства, и в росте специализации его. Но это развитие имело свои особенности. Последние заключались в том, что товарно-денежные отношения в турецком сельском хозяйстве росли не в связи с требованиями внутренней промышленности, а в связи с требованиями иностранного рынка. Экспорт в 1880 г. равнялся 8497.0 тыс. лир, в 1890 г. — 12 836.5 тыс. лир, в 1900 — 14 905.0 тыс. лир и в 1913 г. — 21'436.1 тыс. лир. Рос и импорт: в 1880 г. он равнялся 17 847.5 тыс. лир., в 1890 г. — 22 914.3 тыс. лир, в 1900 г. — 23 841.6 тыс. лир и в 1913 г. — 40 809.2 тыс. лир. Ни одна специальная культура не показала серьезного развития вследствие требований собственной промышленности и по простой причине — промышленность эта росла чрезвычайно медленно. В самом деле, под влиянием импорта дешевых европейских тканей заглохла развитая ранее в Турции шерстяная промышленность, насчитывавшая даже несколько мануфактур. Развитая в Турции ковровая промышленность, после того как командующее положение в ней занял авглийский капитал, в значительной степени перешла на изготовление ковров из иностранной пряжи.

Наиболее важными по своему удельному весу отраслями промышленности до войны были отрасли по первичной переработке продуктов сельского хозяйства на экспорт — хлопка, табака, шелка, шерсти, изюма, фиг и т. д. Но эти отрасли сами развились в связи с ростом экспорта перечисленных продуктов и от последнего они и зависели. Если снижался экспорт того или иного продукта, то вынуждена была сокращать свою деятельность и соответствующая отрасль промышленности.

Слабо развитая внутренняя промышленность не могла оказывать и большого влияния на развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Турции.

ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ В ТУРЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Мировая война резко ухудшила положение турецкого сельского хозяйства и сильно обострила классовые отношения в турецкой деревне.

Мобилизация в армию коснулась главным образом крестьянства. Сотни тысяч наиболее работоспособных крестьян были мобилизованы в армию и оторваны от своего хозяйства. Кроме самих крестьян был мобилизован и рабочий скот. В дальнейшем часто имели место массовые реквизиции скота. Мобилизация крестьян и рабочего скота вызвала резкое сокращение посевной площади. Если принять посевную площадь 1913 г. под злаками за 100, то к 1915 г. она сократилась до 46.8%, к 1916 г. — до 39.0% и к 1917 г. — до 46.8%.

Сокращение посевной площади в свою очередь привело к голоду крестьянских масс и скота, к развитию эпидемий, в результате которых погибли десятки тысяч людей, а также произошел массовый падеж скота. Размеры гибели скота достаточно ярко характеризуются следующими сравнительными данными за 1913 и 1919 гг. Если принять количество скота в 1913 г. по отдельным видам за 100, то к 1919 г. осталось: волов и буйволов, являющихся основным видом рабочего скота в Турции, — 13.5%, лошадей — 60%, мулов — 58.5%, ослов — 60%, овец и ягнят — 60%, коз — 12.6%, верблюдов — 32%. Самый большой урон, как видим, нанесла война тягловому и транспортному скоту. При общем сокращении всего стада с 44 627 тысяч голов в 1913 г. до 19 036 тыс. голов в 1919 г., т. е. на 57.4%, скот этого рода сократился соответственно с 5579.8 тыс. голов до 2013 тыс. голов, т. е. на 64%.

Надо иметь в виду, что от падежа скота пострадало главным образом трудовое крестьянство, так как крупные собственники не только имели большие возможности уберечь свой скот от реквизиций и мобилизаций, но младотурецкое правительство всячески помогало им не только сохранить, но и расширить свое хозяйство.

Для большой массы крестьянства, занимавшейся производством технических культур, огромной важности фактором, повлекшим за собой ее разорение, явилось прекращение торговых связей со странами-потребителями турецких специальных культур. Вследствие резкого ослабления спроса на эти культуры цены на них сильно упали.

¹ Подробно этот вопрос нами исследован в работе «Экономика Турции в период мировой войны». Издание Академии Наук СССР.

Например, в течение нескольких дней в самом начале войны стоимость опкума упала с 300 до 90 пиастров, шерсти ангорских коз с 20 до 8 пиастров.

В результате указанных нами причин продукция технических культур во время войны потерпела огромное сокращение.

Сведя в одну таблицу данные о сокращении площади или продукции по отдельным культурам, к которому привела мировая война, мы получаем следующую картину упадка турецкого сельского хозяйства в результате этой войны (в %).

Продукт	Объект сокращения	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Злаки	площадь	100.0	—	46.8	39.0	46.8	—
Табак	»	100.0	89.8	30.2	32.9	36.2	43.5
Табак	продукция	100.0	39.5	26.5	27.8	31.6	37.8
Хлопок	»	100.0	112.5	12.5	8.3	8.3	8.3
Опиум	»	100.0	100.0	88.3	93.2	93.2	104.5
Оливы	»	100.0	78.7	50.7	49.4	17.7	22.5
Изюм	»	100.0	82.4	64.5	55.0	45.2	40.4
Инжир	»	100.0	84.3	73.6	80.2	73.0	83.2
Шелк коконы	»	100.0	100.0	36.9	53.5	4.3	31.3

Незначительное сокращение продукции опкума объясняется тем, что на него существовал большой спрос со стороны турецкой армии и армий ее союзников.

Продукция инжира также сократилась значительно менее, чем продукция других культур. Это объясняется тем, что инжир стал употребляться на выработку нужного для армии спирта.

Как видим из приведенных данных, сельское хозяйство Турции понесло в результате войны огромные потери.

Мы уже упоминали выше, что вся тяжесть лишений пала на трудовое крестьянство, которое быстро разорялось; наоборот, крупные земельные собственники не только не понесли никаких потерь, но даже хозяйственно выросли, разбогатели на тяготах войны, причем им всячески содействовало в этом младотурецкое правительство и его фактический хозяин — немецкие империалисты.

Политика младотурок заключалась в содействии проникновению капитализма в земледелие, помощи крупным земельным собственникам и перекладывании всех тягот войны на трудящиеся крестьянские массы.

Правительство оказывало помощь семенами, сельскохозяйственными машинами, деньгами — все это попадало в руки крупных земельных собственников. Был освобожден от пошлин импорт сельскохозяйственных

машин, удобрений и т. п. — этой льготой опять-таки воспользовались крупные земельные собственники.

В 1916 г. была произведена немецкими специалистами реорганизация сельскохозяйственного банка, которая выражалась в том, что в отличие от существовавшего доселе порядка впредь банк был вправе выдавать ссуду без ограничения суммы и срока (до этого банк был вправе выдавать ссуду размером не свыше 150 лир максимум на 10 лет). Банк получил право выдавать ссуду под залог хлеба, а также покупать и продавать землю, рабочий скот, семена и сельскохозяйственные машины.

Все перечисленные мероприятия имели своей задачей обеспечить интересы крупных земельных собственников и кулаков и содействовали их обогащению. Эти слои нажились на поставке хлеба армии, на росте цен на хлеб (мешок пшеницы, стоивший до войны 0.7 лиры, стоил во время войны 51 лиру), голоде населения и на применении дарового крестьянского труда. Уже в начале 1916 г. была введена трудовая повинность для всего не взятого на войну сельского населения; в дальнейшем эта повинность была усилена и распространена на всех крестьян — мужчин и женщин, начиная с 14 лет.

Было установлено, что крестьянин должен обработать каждой парой волов 35 денюмов земли (около 3.5 га). При наличии у крестьянина более одной пары волов излишек мог быть реквизирован.

Земельные владения, не обрабатываемые их собственниками, могли быть использованы под земледелие соседними деревнями и городами.

В то же время крупные земельные собственники освобождались от воинской повинности лично, а также они вправе были освободить от нее трех сельскохозяйственных рабочих на каждые 500 денюмов обрабатываемой земли.

Навряд ли эти мероприятия младотурок нуждаются в особых комментариях. Они совершенно ясно показывают, что вся аграрная политика младотурок во время войны как и до нее была направлена на обеспечение интересов крупных земельных собственников за счет трудящихся масс крестьянства. Большим злом для последних была реквизиция правительством продовольствия по твердым ценам, которые были в несколько раз ниже рыночных. По этим ценам крестьяне должны были отдавать одну треть валового сбора злаков, половину сбора олив и оливкового масла. Это в то время, когда цены на продукты крестьянского потребления, покупаемые в городе, как, например, сахар, керосин, выросли в сравнении с довоенным временем к 1918 г. в 80 (по сахару) и более 100 раз (по керосину), между тем как цены на продукты сельского хозяйства выросли значительно меньше.

Ко всему сказанному надо добавить что усилилось ограбление крестьян налогами. Ашар, поступавший военному ведомству, продолжал взиматься откупщиками, которые в обстановке острой нехватки продовольствия и возможности нажить огромные прибыли на поставке хлеба старались выжать из крестьян как можно больше продуктов. Далее, некоторые денежные налоги взимались с крестьян в золотом эквиваленте, например, налог на скот.

Мы видим, таким образом, что в результате войны сельское хозяйство Турции понесло огромные потери, причем основная тяжесть удара была перенесена младотурками и немецко-австрийскими империалистами на трудовые крестьянские массы; в то же самое время эксплуататорская верхушка турецкой деревни и помещики экономически выросли и вместе с тем выросли и капиталистические элементы деревни. Классовая дифференциация в ней усилилась, и к концу войны, с одной стороны, стоял задавленный, разоренный, попавший еще в большую кабалу к помещику, полуфеодалу, кулаку крестьянин, с другой — выросшие, окрепшие, обогатившиеся богатеи деревни и помещики, прибравшие к своим рукам значительную часть крестьянских земель.

Крестьянство не совсем безропотно сносило свое тяжелое положение. Массовое дезертирство, при котором отдельные армии теряли около 40% дезертирами, организация чет (партизанских отрядов), местами открытое возмущение — вот те формы, в которые выливалось недовольство своим невыносимым положением турецких крестьян, которые политически выросли во время войны, особенно благодаря воздействию революции в России.

Итак, накануне кемалистской революции аграрный вопрос в Турции заключался в следующем:

1) В турецкой деревне господствовали феодальные пережитки. Ослабленные в некоторой степени в результате проникновения товарно-денежных отношений, в особенности в западном и южном прибрежных районах, они все же господствовали. Повсюду хозяйство велось «по-турецки», во всех районах страны помещики закабалили крестьян, «заставляя их крестьянской лошастью (вернее в турецких условиях — волами. *А. Н.*), крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю» (Ленин). В восточной и особенно юго-восточной Анатолии господствовали еще феодальные отношения, переплетаясь с отношениями родово-племенными.

2) Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве вызвало, главным образом, в тех же прибрежных районах и рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве и вследствие этого усиление

классовой дифференциации в деревне. Однако, рост капиталистических отношений был очень слабым, медленным и мучительным.

3) Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве было вызвано не ростом внутреннего рынка, а втягиванием Турции в обслуживание европейских рынков сырьем. Специализация турецкого сельского хозяйства также происходила под влиянием требований иностранного рынка. Чем большее развитие показывали турецкие специальные культуры, тем более турецкое сельское хозяйство попадало в зависимость от иностранного капитала. Иностраный капитал препятствовал развитию туземной промышленности, препятствовал развитию внутреннего рынка для сельского хозяйства. В своих интересах он консервировал в сельском хозяйстве самые отсталые производственные отношения и не только поддерживал феодальных эксплуататоров, но и сам выступал в такой роли по отношению к турецкому крестьянству. Поэтому иностранный капитал являлся главным тормозом развитию производительных сил в сельском хозяйстве Турции.

4) Борьба против феодальных пережитков была невысказана без антиимпериалистической борьбы. Антифеодальная борьба переплеталась с антиимпериалистической. Турецкое крестьянство могло сбросить с себя феодальный гнет, лишь борясь одновременно и против феодального режима и против империалистов. Вместе с тем лишь при условии свержения господства империалистов и феодалов, уничтожения феодальных методов эксплуатации турецкого крестьянства, можно было обеспечить трудящемуся возможность широкого развития в нем производительных сил.

5) Во время войны резко ухудшилось положение крестьянства, вследствие того, что все тяготы войны младотурецкое правительство и немецкие империалисты перенесли на него. Во время войны турецкому крестьянину был дан в огромном масштабе еще один наглядный урок того, как переплетаются интересы господствующего слоя с интересами империалистов, и необходимости сочетать антифеодальную борьбу с антиимпериалистической борьбой. Вместе с тем, во время войны усилилась классовая дифференциация в турецкой деревне. Турецкий крестьянин, выросший политически во время войны, попавший в еще большую зависимость от эксплуататорской верхушки деревни, был переполнен классовой ненавистью к своим эксплуататорам. Турция была беременна аграрной революцией.
